

отметить, что слишком частое обращение к подобным формам организации учебного процесса нецелесообразно, так как нетрадиционное может быстро стать традиционным, что, в конечном счете, приведет к падению у учащихся интереса к предмету.

Литература:

1. Стронин, М. Ф. Обучающие игры на уроке английского языка - М.: Просвещение, 1984. – 107с
2. Коньшева А.В. Игровой метод в обучении иностранному языку. – СПб.: КАРО, Мн.: Издательство «Четыре четверти», 2006 г. – 192 с.
3. Маслыко Е.А., Бабинская П.К., Будько А.Ф., Петрова С.И. Настольная книга преподавателя иностр. языка. – Мн.: Выш.шк, 1999. – 522 с.
4. Дыбина О.В. Игровые технологии ознакомления дошкольников с предметным миром. Практико-ориентированная монография – М.: Педагогическое общество России, 2008. – 128 с.
5. Шлыкова О. В. Культура мультимедиа: Уч. пособие для студентов / МГУКИ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 415 с.
6. Нехаев С.А., Андреев И.Л., Кривошеин Н.В., Яскевич Я.С. Словарь прикладной интернетики // WebPlanGroup (<http://www.webplan.ru/akadem/ind34-4-1.shtml>).
7. Соболева А. В. Использование мультимедийных технологий в обучении иностранным языкам [Текст] / А. В. Соболева // Педагогика: традиции и инновации: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2013 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 119-123
8. Марган, Н.Б. О некоторых приёмах повышения эффективности изучения лексики / Н.Б.Марган // ИЯШ. – 2004. - №5. - с.77

Берікбай Ә.Е., Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, факультет Бизнеса и права, студентка гр. ОПЭК – 11к

(*Научный руководитель – преподаватель Аубакиров Е.Ж.*)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Причины, определяющие характер и динамику социальной жизни. Когда-то считалось, что устройство общества и ход истории предопределены волей Бога. Позднее была выдвинута идея общих законов истории, неуклонно ведущих человечество от первобытного, дикого состояния через варварство к цивилизации. Разнообразные социальные теории этого времени пытались сформулировать так называемый закон прогресса. Марксизм предполагал, в частности, что вершиной развития общества явится коммунизм, при котором материальное изобилие будет сочетаться с исчезновением государства и свободой личности. XX век развеял многие иллюзии, в том числе представление о всемогуществе человеческого разума, о «железных законах истории» и неуклонном прогрессе. С новой остротой развернулись дискуссии по поводу того, определяется ли социальная жизнь - и в какой именно мере - материальными и экономическими структурами, борьбой государств и наций, борьбой классов, стратегией возвышения и установления равновесия в отношениях между разными частями крупных социальных групп, семейными формами и т. д. Периодизация человеческой истории, деление ее на эпохи, цивилизации, культуры и т. п. Упрощенная схема «дикость - варварство - цивилизация» была быстро отброшена. Марксистская периодизация истории, начинавшаяся с первобытного коммунизма и кончавшаяся индустриальным коммунизмом, также обнаружила свою несостоятельность. Остается открытым вопросом, по каким существенным признакам можно было бы разбить историю на крупные эпохи и затем выделить в рамках таких эпох цивилизации или культуры.

Отношения между прошлым, настоящим и будущим в развитии общества и его наиболее важных институтов. Одни теории исходили из цикличности истории, постоянного повторения одного и того же, не несущего с собой никакой принципиальной новизны. Другие придерживались представления об ее линейности, предполагающей развитие по прямой линии, когда времена не повторяют друг друга. Третьи, считали, что история развивается по спирали, сочетающей линейное и кругообразное движение, или форму колебаний отдельных обществ между двумя достаточно устойчивыми полюсами, и т. д. Анализ общей формы протекания истории остается, как и раньше, актуальной проблемой. Смысл человеческой истории, ее предназначение или цель. Долгое время истории придавался объективный, не зависящий ни от воли людей, ни от их деятельности смысл.

Другой альтернативой является идея, что человеческая история имеет только субъективный, определяемый самими людьми смысл, и то, будут ли достигнуты цели, которые человечество ставит перед собой, зависит не от каких-то внешних факторов, а от разумности и настойчивости в реализации этих целей. Общие тенденции развития современных обществ.

Это одна из наиболее острых тем. Национал-социализм сошел с исторической арены, коммунизм постепенно сходит с нее. Нет, однако, социальных законов или причин, совершенно исключая возвращение этих агрессивных форм тоталитарного общества в каком-то новом облике. Трудно предсказать направление дальнейшего развития демократических, или посткапиталистических, обществ и тем более их сколько-нибудь отдаленную историческую перспективу. Главные опасности, таящиеся в современном социальном развитии. Человечество ожидает дальнейшее обострение так называемых глобальных проблем, от решения которых зависит само его выживание. В числе этих проблем - предотвращение мировой термоядерной войны, прекращение стремительного роста населения, исключение катастрофического загрязнения окружающей среды, терроризм и т. д. Серьезные опасности кроются в постепенном преобразовании народов в однородные, импульсивные, подверженные воздействию пропаганды массы, в превращении таких масс в решающий фактор происходящих событий. Опасны постоянно повторяющиеся в разных странах попытки введения тотального планирования социальной жизни. Темп происходящих в современном обществе перемен все убыстряется, и кажется, что теперь под угрозой может быть поставлена сама глубинная природа человека. Роль ценностей в социальной философии и в социальной жизни. Социальная философия говорит не только о том, что имеет место в жизни общества, но и о том, что должно быть. Теоретическое исследование социальной действительности возможно лишь в том виде, в каком она предстает, пройдя через фильтр оценочных суждений. Человеческая деятельность невозможна без оценок и норм.

Философия, изучающая общество и человека и имеющая своей конечной целью рационализацию человеческой деятельности, всегда постулирует явные или, что бывает чаще, неявные ценности. Связанные с ними оценки лежат в основе понимания социальных явлений. Объяснение и понимание человеческой деятельности. В науках о природе ученый занят в основном объяснением исследуемых явлений на основе имеющихся в его распоряжении знаний о регулярностях, или законах, природы. В науках о культуре необходимо учитывать, что человек - существо, обладающее разумом и ставящее перед собой определенные цели. Понимание деятельности человека, всегда преследующей некоторые цели и реализующей определенные ценности, является одной из важных проблем методологии социальных и гуманитарных наук. Проблема понимания - одна из ключевых в социальной философии. Если все эти общие рассуждения применить к социальной философии, то обращает на себя внимание большое сосредоточение наших коллег на вопросах первой группы. Как мне представляется, это обусловлено тем, что в разработке этой тематики заинтересованы в первую очередь преподаватели: им надо читать курс социальной философии и у них должно быть о ней целостное представление. Кроме того, существуют не только разные подходы к вопросу о существовании социальной философии, но и подчас полярные точки зрения. В качестве иллюстрации обратимся к публикациям заведующих социально-философскими кафедрами МГУ и СПбГУ – К. Х. Момджяна и К. С. Пигрова.

К.Х. Момджян исходит из того, что помимо частных общественных наук существует «теоретическое обществознание», изучающее общество как сложную целостную систему. В него входит социальная философия и социология, выступающая в данном случае в виде генерализирующей науки «об общественной жизни, рассмотренной в ее системности и исторических формах осуществления». Предметом же социальной философии являются «предельные основания праксеологического отношения человека к миру, создающие особую подсистему окружающей и охватывающей нас реальности – социум»[1, с. 78]. Момджяна интересует социальность как таковая. Но он не замыкается в рамках социума, желая рассматривать его в ряду других форм бытия. Он подчеркивает противоположность своей «рефлексивной» позиции взглядам сторонников «валюативной» философии, исключаяющей из сферы философского дискурса все научные проблемы. Предметы социальной философии и общей социологии пересекаются, и это дает основание для объединения философского и социологического знания под общей шапкой «теоретического обществознания». Он считает, что аналогичной точки зрения придерживались такие крупные социологи, как П. Сорокин и Р. Арон, ко взглядам которых в этом вопросе он примыкает.

Изложенная концепция в основе своей не является новой и для отечественной марксистской традиции. Очевидно, что К. Х. Момджян здесь воспроизводит когнитивную модель исторического материализма, определяемого как философско-социологическая теория, выполняющая функции и

социальной философии, и общесоциологической теории. Была и другая точка зрения, что исторический материализм вообще не философия, а наука, и его надо вывести за пределы марксистской философии. Этому взгляду придерживались, например, Б. М. Кедров и Э. В. Ильенков. Наконец, уже в 80-е годы многие стали ставить знак равенства между историческим материализмом и социальной философией. Но у нас все еще существует мода забывать свое прошлое.

К. С. Пигров идет совершенно иным путем, во многом следуя Канту. Ссылаясь на античную традицию и Канта, он принимает деление философии на логику, физику и этику и относит социальную философию к «метафизике нравственности», определяя ее предмет как «приложение разума к области свободы»[2, с. 63]. Это «нормативная дисциплина, которая исследует, проясняет, вербализует, устанавливает и вообще культивирует нормы, ценности, не имеющие, по сути, отношения к наличной реальности»[2, с. 66]. Сообществу социальных философов он также предоставляет свободу, утверждая, что социальная философия и есть то, чем они занимаются. Единственное ограничение вытекает из ее цели постижения всеобщего, то есть предельных оснований (бытия человека), опираясь при этом именно на изучение социума. Через социум открывается связь имманентного и трансцендентного. Социальная философия отличается от социологии, как метафизика от опытной науки.

Я фиксирую, но не оцениваю изложенные трактовки предмета социальной философии. Хотя лично мне ближе подход К. Х. Момджяна, но я не считаю, что позиция К. С. Пигрова не имеет права на существование. Философия может быть научной или претендовать на научность, если она в своих теоретических построениях опирается на научное знание. Но философия не наука, и плюрализм взглядов, или, как говорит К. С. Пигров, антитетичность, для нее органична. Такая норма научного этоса, как универсализм, на философию не распространяется. Поэтому я не считаю ситуацию в нашей социальной философии драматичной. Добиваться здесь единомыслия – значит возвращаться к тому прошлому, от которого как раз следует отказаться.

Но есть одно условие, при котором плюрализм будет способствовать движению философской мысли, а не превратится в пустую разногласицу и топтание на месте: научное сообщество обязано заботиться не о достижении всеобщего согласия по тем или иным вопросам, а о поддержании должного уровня философской культуры, позволяющей отторгать скороспелые решения и невежественные «позиции» и проводить содержательные обсуждения.

Как ни пытаются у нас подальше «задвинуть» социальную философию марксизма, игнорировать ее, тем более в атмосфере идейного плюрализма, просто нелепо. Как-никак, она воплотила в себе особенности и достижения европейской культуры, такие как принцип научной рациональности, идеал объективного подхода к изучаемому предмету в сочетании с активным деятельным отношением к действительности, ее творческим преобразованием, идеи общественного прогресса, свободного и всестороннего развития личности. Оценивая ее, мы можем отметить, что создавалась она в эпоху, когда вся наука строилась на принципах классического рационализма, так что она, безусловно, несет на себе печать своего времени. Но вместе с тем в области философии марксизм и выходил за эти рамки, например, критикуя механистический детерминизм, связывая будущее с созданием реальных условий для свободного развития личности и т. д. Поэтому не считаться с марксизмом – значит обеднять проблемное поле современной социальной философии.

Теоретико-методологический инструментарий, необходимый для объяснения исторического движения в его конкретных проявлениях, должен включать наряду с формационной также теорию, реагирующую на историческое многообразие, апеллирующую к факторам этого многообразия. На стадии экономической формации эту роль играет цивилизационный подход. Поэтому вполне естественным стало привлечение к анализу исторического процесса наряду с формационным методологии цивилизационного подхода. При этом как метод он был освобожден от непосредственной связи со взглядами классиков теории локальных культур и цивилизаций, что придало ему современный вид и т. д. Существо дела в том, что главным источником исторического многообразия является человеческая деятельность и создаваемая ею культура, которая и выступает формообразующим началом цивилизации. Таким образом, (со)единение (я не употребляю более сильных терминов вроде интеграции и т. п., пока это делать рано) формационного и цивилизационного подходов в методологическом плане весьма перспективно, ибо открывает новые возможности для социально-философских исследований.

В своих духовных стремлениях человек может опираться на имеющиеся знания и может их игнорировать. В первом случае он мыслит (способен мыслить) реалистически. Во втором – полет его фантазии не сдерживает ничто. В этом плане разработку общей теории исторического процесса

можно расценить как вклад в создание когнитивных предпосылок и оснований духовной культуры. Без когнитивной основы она лишается опоры в реальном мире.

С этой точки зрения можно оценить и концепцию социальной философии, выработанную К. С. Пигровым. Она обращена к субъекту и может рассматриваться как ценностное дополнение к рационалистическому осмыслению исторического процесса. Видимо, гармония здесь возможна, но лишь в том случае, если принятая система ценностей и ее применение к динамике социума не будут вступать в прямое противоречие с их интеллектуальным основанием.

Из этого сопоставления проявлений интеллектуальной и духовной культуры вытекает весьма интересное следствие. Наука целиком относится к интеллектуальной культуре и подчинена ее критериям и императивам. Нравственность, религия, искусство полностью принадлежат духовной культуре. Что же касается философии, в том числе и социальной, то она является единственной формой общественного сознания, которая относится к обеим этим ветвям культуры. Поскольку она содержит определенную сумму объективных знаний, является когнитивной системой и одновременно включает ценности, то есть относится к ценностным формам сознания, она соединяет в себе качества интеллектуальной и духовной культуры.

Замечу, кстати, что их разграничение не только не является чем-то новым, но оно пронизывает всю историю философии и закреплено в языке. Он (язык) различает обучение и воспитание, истину и ценность. Знание и невежество – альтернатива интеллектуальной культуры, добро и зло – духовной. Соединяются эти ветви культуры в человеческой голове и человеческой деятельности[3].

Еще одна методологическая проблема социальной философии должна присутствовать в данной статье. Проблема эта занимает меня много лет, но не потеряла своей актуальности и в наше время. Речь идет о возможности выделения в познании истории нескольких измерений или о многомерном подходе к познанию исторического процесса.

Вообще в методологии социального познания принято выделять различные структурные образования, как-то его расчленять, чтобы возможно более адекватно подойти к исследованию этого сложного и многообразного процесса. Так, рассматривая общество как систему, в нем выделяют различные компоненты системы, подсистемы и т. д. При этом важно то, что система, ее свойства не являются просто суммой свойств составляющих ее компонентов. Система и подсистемы, а также социальные теории различаются как более общие и менее общие и соответственно делятся по уровням общности. Так, в структуре социологии выделяют общесоциологическую теорию и теории среднего уровня (социология семьи, социология права, социология образования и т. д.). В методологическом плане перспективно также обозначение для исследования различных измерений исторического процесса в интересах более полного и всестороннего познания социального объекта.

Возьмем, например, наше советское прошлое. Его изучают и оценивают по-разному. Одни видят в нем лишь тоталитаризм, диктатуру, сталинские репрессии, сравнительно низкий по сравнению с Западной Европой уровень жизни. Другие, напротив, выделяют то, что после революции была быстро ликвидирована неграмотность, что за годы советской власти созданы мощная индустрия, большая наука, хорошая система образования, что советский народ одержал великую Победу в Отечественной войне, за короткое время восстановил народное хозяйство, а СССР стал сверхдержавой, добившейся ядерного паритета с США. Такого же рода противоположные оценки даются Октябрьской революции, большевистской партии, истории революционного движения в России. Самое примечательное то, что большинство этих оценок не беспочвенно, поскольку они опираются на реальные факты. Ложь начинается там, где эти оценки абсолютизируются: только преступления режима или только хорошая система социальной защиты населения. А реально было и то, и другое. Люди жили, трудились, любили, плакали и смеялись. Были фильмы Григория Александрова и театр Аркадия Райкина. Но были и страшные человеческие трагедии, ломка человеческих судеб, насилие и произвол. История многомерна, надо изучать ее различные измерения и то, как они в реальной жизни сочетаются и пересекаются. Тогда будет полная, всесторонняя и объективная картина советского периода отечественной истории. Но это конкретная история. Разработка же принципов такого подхода происходит на теоретико-методологическом уровне[4, с.52-61].

Методология многомерного подхода, взятая на общем теоретическом уровне, сводится к следующим основным принципам:

- «объемность» общества становится предметом специального методологического анализа;
- признается возможность исследовать общество, ход истории в различных измерениях;
- выделение каждого измерения исторического процесса не произвольно, а определяется свойствами самого объекта;

– эпистемологическое значение каждого измерения в том, что оно выделяет определенный аспект социальной реальности со своим кругом проблем в качестве предмета познания, в исследовании которого применяются не только общие, но и специфические для данного измерения методы и подходы;

– относительно полная картина исследуемого объекта образуется в результате суммирования по определенным критериям, не допускающим эклектического смешения данных изучения объекта в рамках этих измерений.

Многомерный подход не противостоит другим методам социального познания. Он близок системному подходу, совместим с ним, но не идентичен ему [5, с. 106-107].

Проблема многомерности достаточно широко обсуждалась в первой половине 80-х годов на страницах не только журналов, но и в монографической литературе. Затем наступил длительный перерыв, и лишь в последние годы вновь начала проскальзывать в отечественной литературе тема многомерности.

Таким образом, если в первой половине 80-х годов у нас имели место попытки концептуальных построений многомерной методологии, которые, однако, в дальнейшем постепенно заглохли и не получили должного продолжения и развития, то во второй половине 90-х годов встречаются упоминания о многомерности преимущественно в том контексте, где подчеркивается сложность, многообразие изучаемых явлений или необходимость исследования для понимания данного явления, его глубинных связей и отношений.

Думаю, что этого недостаточно, что методологический потенциал идеи многомерного подхода к исследованию социума используется далеко не в полной мере, что концепция многомерного подхода не только не устарела, но становится все более актуальной.

Литература:

1 Момджян, К. Х. О ситуации в современном теоретическом общественном знании, или кризис фрагментации и как с ним бороться // *Личность, культура, общество*. – 2002. – Т. IV. – Вып. 3–4. – С. 78.

2 Пигров, К. С. Еще раз о предмете социальной философии // *Личность, культура, общество*. – 2002. – Т. IV. – Вып. 3–4. – С. 63.

3 Валлерстайн, И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М., 2003. – С. 261.

4 Келле, В. Ж. Об одном методологическом принципе анализа культуры // *Личность, культура, общество*. – 2004. – Т. VI. – Вып. 4. – С. 52–61.

5 Барг, М. А. Категории и методы исторической науки. – М., 1984. – С. 106, 107.

Бурдина Л.Ю., Карагандинский государственный университет имени академика Е.А.Букетова, факультет физической культуры спорта, студентка гр. ФКиС-12

(*Научный руководитель – м.п.н, старший преподаватель Назарова А.М., старший преподаватель Ставская С.А.*)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНА

В настоящее время в условиях возрастающих психических и информационных нагрузок человек вынужден искать пути адаптации к изменяющимся социальным условиям жизни.

Неотъемлемой частью развития и становления личности является спорт, посредством которого помимо физического совершенствования и укрепления здоровья решаются задачи духовно-нравственного развития, социальной адаптации, профессионализма будущих спортсменов высокого класса.

Закон Республики Казахстан «О физической культуре и спорте» от 8 июля 2014 года, подписанный Главой государства Назарбаевым Н.А., направлен на улучшение государственного регулирования в области физической культуры и спорта с учетом современных требований к подготовке спортсменов, создание более эффективной системы физической культуры и спорта.

На сегодняшний день, для спортсменов высокой квалификации главным спортивным мероприятием являются Летние Олимпийские игры. Для того чтобы успешно выступать на соревнованиях высокого ранга, справляться с высокой конкуренцией на международной спортивной